

18+

УЖАСЫ С УРААА



**Александр Денисенко
Анастасия Воищева
Андрей Лоскутов
Виктория Радионова
Владислава Маурин
Глеб Габбазов
Евгений Аликин
Екатерина Дубровина
Игорь Бураков
Либерли Либерли
Лидия Кулиш
Наталья Калинина
Олег Хасанов
Сергей Янин
Татьяна Кочнева
Ужасы с Урала**

<https://litres.ru/74503763>

ISBN 9785007128773

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Уральские авторы раскрывают тёмную сторону знакомых мест: в заводских тенях прячутся монстры, на лесных тропах слышится вой, а старые легенды оживают в каждом словчке. В этих произведениях — рассказах, стихах, миниатюрах, — страх рождается из близости привычного. Оттого становится особенно пронзительным. Для тех, кто ценит хоррор, пропитанный духом места.

Содержание

Мы на Урале тоже не пальцем деланные.	7
Предисловие	
Игорь Бураков	10
Ксилофон	10
Лидия Кулиш	30
Преисподняя	30
Слом реальности	32
Раскол миров	33
Новый жилец	34
Олег Хасанов	35
О, Хиросима...	35
Шурале	37
Марина Успенская	38
Всего хорошего, сынок!	38
Чисто уральское убийство	46
Андрей Лоскутов	62
Конкурент	62
Дворецкий	67
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Ужасы с Урала

Авторы: Габбазов Глеб, Бураков Игорь, Кулиш Лидия, Аликин Евгений, Воищева Анастасия, Калинина Наталья, Лоскутов Андрей, Либерли, Маурин Владислава, Денисенко Александр, Дубровина Екатерина, Янин Сергей, Радионова Виктория, Кочнева Татьяна, Хасанов Олег

Составитель Глеб Габбазов

- © Глеб Габбазов, 2026
- © Игорь Бураков, 2026
- © Лидия Кулиш, 2026
- © Евгений Аликин, 2026
- © Анастасия Воищева, 2026
- © Наталья Калинина, 2026
- © Андрей Лоскутов, 2026
- © Либерли, 2026
- © Владислава Маурин, 2026
- © Александр Денисенко, 2026
- © Екатерина Дубровина, 2026
- © Сергей Янин, 2026
- © Виктория Радионова, 2026
- © Татьяна Кочнева, 2026
- © Олег Хасанов, 2026
- © Глеб Габбазов, составитель, 2026

ISBN 978-5-0071-2877-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мы на Урале тоже не пальцем деланные. Предисловие

Как известно, у русского рока и русского хоррора есть немало общего: то и другое жёстко щемили при СССР, то и другое в приличном обществе всерьёз не воспринимают. В приличном обществе вообще не принято воспринимать всерьёз что-либо, сделанное на просторах Родины, так что мой вам совет — если рассудок дорог вам, держитесь подальше от так называемого приличного общества, где снобы властвуют безраздельно.

Есть между русским роком и русским хоррором и большая разница: если первый расцвел в Перестройку и 1990-е, то русский хоррор ждал своего часа гораздо дольше. Сейчас его дела, тьфу-тьфу-тьфу, идут вполне себе неплохо. Десятые и двадцатые породили своих мастеров, а у них появились свои последователи. Из редких экспериментов русская литература ужасов развилась в мейнстрим. Мы, любители страшного, поняли, что не одиноки, и то, что мы делаем, находит отклик у публики. Всё больше авторов стремятся попробовать себя в хорроре, благо наш жанр ещё оставляет пространство для творчества, чего, увы, не скажешь о многих других, подчинённых Его Величеству Тренду.

В русский хоррор пришли из фантастики такие авторы,

как Александр Матюхин, Майк Геллприн и екатеринбургская писательница Оксана Ветловская. Что до другого екатеринбуржца, который пишет сейчас эти строки, то он и не собирался никогда писать ничего иного с тех пор, как увидел свой первый ужастик (но этой историей я всех уже наверняка достал, так что поднимать её снова, пожалуй, не буду; а если вы лично её не знаете, то всегда можете прочесть в моём авторском сборнике «Догоняй!»)

К слову, если русский рок принято делить на школы, то русский хоррор как-то за этим замечен не был. И хотя в творчестве упомянутого выше Александра Матюхина отчётливо прослеживается неповторимый дух города на Неве, а у Олега Кожина, родившегося в Норильске и проживающего в Карелии — северная суровость, никто как-то не стремится привязать авторский стиль к месту обитания. Хотя оно, пожалуй, накладывает на литератора отпечаток не меньший, чем на музыканта. Особенно когда условия жизни там далеко не сахар — солнце светит редко, а морозы такие, что в аду замерзают черти.

Наверное, поэтому мы, уральцы, суровы. Очень суровы. Особенно челябинцы. Челябинский писатель Олег Хасанов, например, настолько суров, что написал роман «Зомбиград» на английском языке, составил несколько международных антологий и превратил безобиднейший жанр хайку в хоррор. Но и мы в Екатеринбурге не лыком шиты. Это у нас в городе расстреляли последнего Императора, а прямо напротив ме-

ста его кончины стоит усадьба Харитоновых-Расторгуевых, по слухам, кишашая привидениями. Это в наших горах самым зловещим образом сгинула группа Дятлова. Это у нас областной фильмофонд стоит вплотную к кладбищу, это в наших землях обитают Великий Полоз и ведьма Синюшка. Это уже не говоря о всевозможных страшилах вроде менквов-людоедов и прочих шурале, населяющих леса и горы. Поневоле посидеешь от страха — недаром же наши края называют «Седым Уралом».

Одна, кхм-кхм, известная личность даже назвала Екатеринбург Городом Бесов. Не согласные с этим екатеринбуржцы предпочли название Город Храбрых, что, согласитесь, звучит скучнее. В итоге нашелся компромисс — Город Храбрых Бесов.

Согласитесь, без частицы чёрта в нас и изрядной доли храбрости нынче не прожить. И уж тем более нужна храбрость, чтобы прочесть вот эту вот книгу. Здесь вас ждут 16 историй и ряд стихотворений, написанных храбрыми уральскими бесами, и они сделают всё, чтобы уральская жуть пробрала вас до костей не хуже легендарных уральских морозов.

Анатолий Уманский, писатель и переводчик,
постоянный автор «Самой страшной книги»

Игорь Бураков

Ксилофон

В треснутое стекло окна бьётся дождь. За стеной шумно готовятся к переезду соседи. Мать сидит на кухне, курит и, уставившись в стену, что-то пьёт прямо из бутылки. Старый телевизор издаёт тонкий, почти неслышимый уху писк. Деревянный дом на две семьи оседает в землю по сантиметру в год.

Таким Коля запомнил этот вечер. Не образами, не мыслями, а простой констатацией фактов, в которой каждый факт — одно слово. Чем короче предложение, чем суше описания, тем меньше шансов на искажение правды. А правда и так приносит слишком много боли. Извращать её всё равно, что проворачивать сломанную рёберную кость в ране — неоправданно жестоко. Коля не любит жестокости.

Тем вечером Коле почти семь лет и он смотрит мультики. Показывают классику Диснея. Сперва чёрно-белая мышь ведёт маленький речной теплоход, потом она же в костюме волшебника оживляет мётлы, которые в танце занимаются уборкой. Затем на экране появляется чёрная рогатая фигура с крыльями во всё небо. Тень от фигуры заслоняет спящий город и из погостов к фигуре несутся призраки и скеле-

ты. Они собираются на вершине горы, где танцуют меж языков пламени, постоянно меняя форму, представляя то голыми женскими фигурами, то тварями с рогами и когтями, а с небес на них пикируют фурии с искажёнными в гневе женскими лицами.

Мультфильм, как и многое транслируемое на экране в девяностые годы, не предназначался для детей, но Коля этого не знает. Это же мультик, а значит для детей. Поэтому Коля смотрит, а мама — нет. За это она могла бы получить затрепину от папы. Но папы нет дома. Последнее время мама ведёт себя так, словно его вообще нет.

Из шипящих динамиков приглушённо просачивается классическая музыка, демоны пляшут, а Коля смотрит, рассеянно потирая опухшую правую руку. В больной руке зажата палочка от ксилофона, мальчик чувствует, что разжать её — выше его сил. Мама говорит, что рука не сломана. Мама говорит: «Слава богу, она не сломана! Слава богу». Она прижимает его к пахнувшей дымом груди и просит прощения. Просит прощения, но ксилофон не возвращает: «Хватит, ты уже большой играть в это. Видишь, что проклятый звук делает с твоей мамой?»

На экране новый мультик, снова чёрно-белый, снова по экрану скачут скелеты, но теперь уже не так отчаянно, скорее задорно. Смерть их совсем не беспокоит. Не беспокоит она и Колю, но пока об этом даже он не знает. Один скелет использует тело другого как большой музыкальный инстру-

мент, он выбивает на позвонках и рёбрах мелодию, которая звучит совсем как Колин ксилофон. Это возвращает непрошенные слёзы.

Кто-то скажет, что беснующаяся нечисть — не лучший выбор для вечернего показа, но это не самое странное, что Коле доводилось видеть по телевизору. Многое он так и не смог понять, как и забыть. Однажды мужчина в телевизоре сказал, что теперь мы наконец-то свободны, теперь всё можно. Но, если всё можно, то почему же нельзя играть на ксилофоне?

Цветастую музыкальную игрушку подарил отец. Он обязательно бы заставил маму вернуть её, стукнул бы для профилактики. Но теперь у отца очень странный график, и его стало невозможно повстречать. Даже возвращаясь домой по несколько раз за день Коля обнаруживает, что отец уже ушёл, лишь вещи не на своих местах. Мама говорит, что отец их бросил, но она определённо врёт. Коля твёрдо знает, что если вещь бросить, то она разобьётся. А они всё ещё целы. Разве нет?

Ночью Коля крепко прижимает к груди палочку и замирает, омываемый потоками фактов. Мужчина в телевизоре говорил: «Главное, что мы живы, и это факт». Раз такая очевидная вещь называется фактом, значит любая мелочь тоже факт. Каждое услышанное слово, каждое движение, любой шорох и порыв ветра — всё это факты. Их нужно обдумать, сгруппировать и аккуратно разложить. На это может

уйти вся ночь. Коля фактов не забывает, но никто этого не понимает. Мама думает, что он болен, и, в каком-то смысле, она права.

Не забывать — значит переживать каждое мгновение жизни заново.

Эта ночь бессонной не была, не смотря на вал из новых впечатлений, но короткий сон оказался наполнен симфонической музыкой. Даже лучше, ведь теперь её разбавляла звонкая трель, которую гигантский скелет играл на своих рёбрах, выкрашенных во все цвета радуги.

Проснулся Коля засветло в озере лучей летнего солнца. На одно счастливое мгновение он ничего не помнил. Затем в голове что-то хрустнуло, с натугой вставая в пазы, и память грязной лавиной обрушилась откуда-то с чердаков подсознания вместе с болью от миллион раз повторённых шлепков, перерастающих в миллион ударов и пинков. Превозмогать этот поток Коля научился рано, иначе бы просто не смог продолжать жить.

Он встал с постели. Рука всё так же болела. Понять, где заканчивается боль настоящая и начинается память о ней, не было никакой возможности. Дома пусто и тихо. Все признаки указывают, что ночью опять приходил папа. Если бы Коля не спал так долго, он обязательно бы его встретил. Может в следующий раз.

Заталкивая в себя скудный завтрак, Коля не переодевшись выходит на улицу. Он уже третьи сутки спит в верхней

одежде и не умывается по утрам, но этого некому заметить. Идя на звуки детских голосов, Коля петляет между насупившимися домами частного сектора. Жара не оставила и следа от прошедшего минувшим вечером дождя, и грубые жестяные крыши раскалены до предела.

На пыльном и разбитом перекрёстке столпилась группа мальчишек, в основном старше Коли в два раза, плюс вокруг роилась подобная ему малышня. Все старшие смотрели на Стаса, который всегда настаивал, чтобы его звали Стасян. Он стоял, гордо выпятив грудь в новенькой куртке фирмы Адидас, застёгнутой до самого ворота. Разглагольствуя об уникальных свойствах материала, защищающего от любой жары, Стасян заметно потел и тяжело дышал, глаза спрятаны за стеклами модных чёрных очков.

— Дерьмо у тебя, а не куртка! — сказал Гришка, презрительно подтягивая холщовые штаны, подвязанные бечевкой. Он учился со Стасяном в одном классе, но настоящими друзьями они никогда не были. Возможно потому, что Гришка был старше на несколько лет, по понятным причинам. А может потому, что через неделю натужной болтовни об уникальных материалах и родственниках в штатах он проломит Стасяну голову, но так и не сможет «впарить» уникальную куртку до самого задержания. В такие времена очень сложно отличить причину от следствия.

Коля незаметно пристроился к группе старших, с привычной лёгкостью впитывая каждый жест и каждое слово, как

кинокамера. Тут в толпу ворвался некто с криком: «Ребята, я нашёл Матершинника!» Матерились в компании все без разбора, но вот Матершинником с большой буквы был только один человек на районе: Дед Макар, Макар Дурак, для многих просто Контуженный.

Коля даже не успел разглядеть, кем был новоприбывший, как вся компания тут же пришла в нервическое движение, а потом ринулась через проулки и заросли сорняков. С ними по раскалённой земле бежал и Коля, заражённый общим возбуждением. От чувства единения с толпой ему казалось, что это он ведёт всех за собой.

Прибыла ватага к деревянному дому на отшибе. Древнее строение подозрительно щурилось на детей заколоченными окнами из зарослей крапивы и конопли. Его северо-восточный угол опасно свисал с края высохшего русла местной речки, крыша с мансардой покосилась в сторону от обрыва, от чего весь дом казался ощерившимся, загнанным в угол животным. Рослый и склонный распускать руки Гришка первым подошёл и пнул дверь, которая не поддавалась.

— Заперто — сказал он, оборачиваясь к приготовившимся улепётывать пацанам.

— Она заколочена изнутри — ответил незнакомый светловолосый парень, которого Коля никогда раньше не видел. Но остальные его, похоже, знали. Он был прав — из косяков и даже из самой двери торчали кончики ржавых гвоздей, вбитых под странными углами.

Светловолосый подошел к одному из заколоченных окон и указал на щель:

— Вон он, его видно отсюда.

Все ринулись к окну, сталкиваясь головами протиснулись к узкой щели.

«Не видно нихрена... Нет, вон там, я что-то вижу... Где? Ничо там... Рядом с креслом, вон он лежит... Да где? Кажется... Да не, вон он... Точно, это же борода! Охренеть...»

Колю к окну не подпустили, но контекст ему не понравился. Сам он Дедушку Макара никак не обзывал, потому что папа как-то сказал, что его нужно уважать. За что, пояснить не успел. Макар обычно был тих, при этом чаще всего пьян и немного не в себе, и только под давлением от детских проказ и насмешек становился криклив, дёрган и склонен произносить длинные тирады матерщины, одновременно связной и бессмысленной, как у заправского городского сумасшедшего.

К превеликому своему сожалению, Коля запомнил Дедушку Макара в обеих его ипостасях до мельчайших подробностей, а сейчас ему предстояло встретить и третью, потому что Светловолосый нашёл дыру в полу, где фундамент свисал над пропастью. Края дыры были неровные, взмыленные, словно её прогрызли крысы, из темноты тянуло влажным холодом.

— Я туда не полезу — сказал Гришка, голос его надломился на последнем слове. Он с вызовом посмотрел на Ста-

сяна.

— Слишком узкая, наверняка с гвоздями. Батя убьёт за куртку — сказал Стасян, отступая назад. Снять куртку никто не предложил. Былой задор начал спадать, кто-то потянулся в сторону дома.

— Пусть мелюзга лезет — вдруг сказал Стасян. Многие, впервые заметив Колю, жадно вперили в него взгляды. Всем хотелось увидеть что-то новое, что-то необычное, но никто не желал рисковать.

Несколько рук подтолкнули Колю в спину, кто-то сказал ободряющие слова, звучавшие фальшиво. Но уговаривать было не нужно, ведь Коля тоже хотел знать, что стало с де-душкой Макаром, просто другие всё время стояли у него на пути, а теперь они расступились.

— Палку то брось, легче будет лезть — сказал Стасян, когда Коля сгорбился под чёрным провалом. Коля посмотрел на свою распухшую правую ладонь, в которой всё ещё была зажата ксилофонная палочка.

— Я не могу — ответил он и исчез в дыре.

Внутри было не так темно, как могло показаться снару- жи, хотя большую часть помещения скрывал полумрак. Свет пробивался сквозь щели, от крена образовавшиеся в стенах, и сквозь прорехи между досок, которыми заколотили окна. В потолке имелась ещё одна неаккуратная дыра, ведущая на мансарду, и сквозь неё виднелась другая — уже в крыше.

«Словно дух пробивал себе дорогу по зову рогатой фигуры

на вершине лысой горы...»

С места, где он пролез внутрь, Коля видел сложившуюся внутрь печь у северной стены, чей вес скорее всего однажды стащит этот дом в обрыв. В центре комнаты валялись обломки фанерной перегородки. Окна были только у южной стены, по одному с каждой стороны входной двери. В окнах, заслоняя свет, мелькали шушukaющие силуэты ребят. Под окнами и вдоль всех стен валялась разная рухлядь, вроде треснувших ящиков из-под фруктов, заполненных старой обувью и консервными банками. Многие вещи было невозможно разглядеть в полумраке.

Отчетливее всего выделялось кресло, стоявшее спинкой к восточной стене, а значит и к Коле. Кресло купалось в лучах света, изливавшегося из дыры в потолке, за его корпусом виделась крутая лестница на мансарду. Из-за кресла выглядывала одна нога, в стоптанном башмаке и серых брюках.

— Ну и вонь здесь — это Гришка, наконец, осмелился влезть в дыру вслед за Колей. За ним последовали и все остальные, кроме Стасяна и его бесценной куртки. Ещё не было Светловолосого, но его отсутствие заметил только Коля, и он ничего не сказал.

— Походу вон он лежит — сказал кто-то, не решаясь подступить ближе к креслу, как собственно и все остальные.

В итоге первым подошёл Гришка, храбрый от общего замешательства. Он, насупившись, уставился на что-то на полу, и остальные тоже подошли посмотреть. Кто-то громко

вдохнул, кто-то смачно выматерился.

— У него башка проломлена, башка проломлена — несколько раз повторил Гришка, ища глазами кого-то среди ребят и не находя.

Внезапно все загалдели, не слушая друг-друга:

«Я думал тут черви будут, мухи... Собака его обглодала, полюбас... Папа говорил, что он добухается... Смотрите, медаль валяется, у деда такую же видел... Дай сюда! Дай... Не, моя будет, я первый...»

Голоса врезались в память Коли, пока он медленно подходил к тому, на что глазели другие ребята. Запоминались они точно так же, как и каждая секунда, проведённая в пустом ожидании, каждое мгновение на горшке, каждый приём пищи, каждый вдох и выдох. Его мозг всё помечал грифом «ВАЖНОЕ» и складировал, складировал, складировал... словно больной синдромом Диогена. Но всё же этот день станет особенным для Коли. Это день, когда он найдёт свой ксилофон.

В каком-то смысле, картина на полу могла считаться прекрасной. Говорящая картина, так их иногда называют. Если бы Коля мог, он бы достал её из памяти и повесил на стене, чтобы другие могли восхищаться и ужасаться, делая свои личные выводы, которые никого в реальности не интересуют.

На самом деле, никакого тела уже не было. Был только расчленённый скелет, частично растащенный и распределён-

ный по полу. Среди осколков разноцветного битого стекла, что отражало солнечные лучи и испуганные лица детей, были разбросаны фрагменты костей — некоторые ещё с ошметками тканей, другие исцарапанные, словно на них нанесли очень запутанную резьбу. Вместе фрагменты образовывали ковёр из останков человека и вместилища его убийцы — алкоголя. Из моря осколков островами выступали более крупные части: перевёрнутый вверх дном череп с пробитым куполом, нижняя челюсть с длинными клочьями седых волос, обглоданная до желтизны бедренная кость, рваная штанина с почти целой левой ногой, всё ещё обутой.

Рядом с черепом притаился труп дворняги. Она лежала на всех четырех лапах, словно отчитываемая за провинность: уши прижаты, глаза навывкате, зубы ощерены в оскале. Бока собаки ввалились, обтянув рёбра, пол вокруг потемнел от сочащихся жидкостей. Этот труп явно был свежее и основная вонь шла от него. Коля легко мог представить, что эта собака принадлежала деду, и на самом деле она не ела его, а хранила, предавала забвению единственно известным ей способом. А может, в расположении осколков был сокрыт какой-то секрет, и собака его стерегла? Секрет забвения, способный научить забывать боль и обиды. Вот было бы здорово раскрыть его. Нужно только подобрать правильный ключ, может быть даже мелодию.

Присев на корточки, Коля стал постукивать по осколкам стекла и кости палочкой от ксилофона. Звук был не как от

обычного музыкального инструмента, но всё же мелодичный. Мальчик с головой погрузился в изучение звуков, которые может издавать ковёр из человеческих останков. Теперь он понимал, почему отец говорил уважать старика — дед Макар звучал просто удивительно ярко и живо, вопреки своему состоянию. Одни костяшки издавали резкие трескучие звуки, как сталкивающиеся бильярдные шары, другие, очищенные от костного мозга, отдавались гулким эхом. Стеклашки отзывались монетным звоном и треньканьем сталкивающихся бокалов.

Коля лишь раз потерял концентрацию, когда с мансарды донеслись шаги и кто-то из ребят громко закричал «Шухер!» Они бежали как крысы, отталкивая друг друга от дыры, обдирая кожу о неровные края, не удерживаясь на выходе и скатываясь со склона. Кто-то из них, возможно, придёт домой с вывихнутым пальцем или даже сломанной рукой. Никто не вспомнит, что с ними был ещё и маленький мальчик по имени Коля.

Колю такой расклад устраивал. Его уже ничто не интересовало, кроме раскрытия секрета. Кто-то услужливо отодвинул кресло в сторону и уселся в него. Отсутствие преграды дало дорогу новым солнечным лучам, расцветившим ковёр тёплым сиянием. Коля без отдыха постукивал по костяшкам, извлекая одному ему понятную мелодию, не замечая, как в осколках стёкол вместо детских лиц и солнечных лучей теперь пляшет масса радужных глаз и обсидиановых отрост-

ков, движущаяся в такт его музыке. Музыка складывалась из каждого стремительного удара, и рука ребёнка порхала над осколками, помогая забыться в извлекаемых переливах и стуках.

Не забывать — значит страдать бесконечно. А Коля не мог больше страдать.

Чувство долга, воспитанное отцом, заставило его вернуться домой. На улице рано стемнело, облака снова набухли предстоящим дождём. Папы опять нет, поэтому мама без стеснения влепляет Коле жестокую пощёчину и отправляет спать без ужина. Проходя мимо угла, заменявшего им кухню, Коля видит горы грязной посуды и холодную плиту. Он понимает, что ужина ему не видать даже если бы он пришёл вовремя. Это ничего, всё равно его уже покормили.

Походя выковыривая из зубов бурые волокна, Коля идёт к своей кровати и вновь ложится не раздевшись, спрятав под подушку правую руку с зажатой в ней палочкой. Впервые в жизни сон приходит к нему легко, без рутинной бомбардировки из увиденного и услышанного за день. Факты больше не имеют смысла, они утратили былую значимость.

В грёзах этой ночи он живёт внутри тела иссиня-чёрного кита, плывущего по небу. Рёбра исполинского животного выступают вовнутрь огромными полыми колоннами. На каждой колонне начертаны неземные нотные символы, и Коля стучит по ним, извлекая невероятную по глубине звучания истинную музыку. Она изливается из ротовой полости ги-

гантского существа на суматошный, потерявший покой мир, даруя правду.

Все живые существа, услышав правду, сокрытую в музыке, в экстазе осыпаются на землю горами костей. Останки их укладываются в узор, охватывающий весь мир. В планету костей. Ничто не случайно в этом узоре, всё от слоновьих бивней до хитинового панциря подчинено гармонии высших сфер, всё образует идеальный музыкальный инструмент. Инструмент, играя на котором, Коля способен достучаться до небес и призвать их к ответу. Добиться, чтобы его настоящий отец пришёл, наконец, домой. Отец, чьё присутствие мы всегда чувствуем, но никак не можем застать его в своём доме...

С мыслью о папе Коля проснулся во тьме. Ночь уже в самом разгаре, дождь разошёлся в полную силу, часто-часто раскалывая черноту вспышками далёких молний. Ветер нашёл в доме какую-то щель, и теперь, нутужно свистя, проталкивал в неё своё непомерное тело. Бичуемые воздушными потоками ветки деревьев царапали крыши и стучались в окна в надежде на убежище от непогоды. В этом тоже была своя музыка, но тревожная, полная предвкушения беды.

Коля встал с постели и прошёл в сени — впустить дедушку Макара. Старик был одет в парадный мундир с одинокой медалью на груди, лицо чистое, тускло отражающее свет одинокого уличного фонаря, волосы и борода приведены в порядок. Коля ещё никогда не видел его таким цельным, держащим горделивую осанку, несмотря на возраст. Именно та-

кими люди должны представлять на последний суд, и смерть не оправдание для неподобающего внешнего вида.

Коля пригласил старика войти, не сомневаясь в том, что за этим последует.

Сказать, что она спала сном праведного неведения — значит соврать. А ложь — это кость, проворачиваемая в ране. Как легко было бы обвинить мать во всех грядущих бедах, переложить ответственность на чью-то глупость, скверность характера, невежество и слабость. Но ничто не бывает в этой жизни просто так.

Она знала, что её сын болен, потому что была больна сама. За прошедший день, совершив вынужденную прогулку за пособием, она видела семьдесят-пять человек, насчитала сто-тридцать-пять столбов на набережной, тринадцать голубей смешанного, два голубя сизого и одного белого окраса, три тысячи-пятьсот-два окна, сорок-одну уличную урну — и всё это стараясь не открывать лишней раз глаза, просто чтобы не выйти случайно на дорогу.

Сегодня она ударила своего сына в три тысячи-триста-тридцать-седьмой раз — больше чем по разу на каждый день его жизни. Это не значит, что она била его каждый день, только, что била часто и много. Извинилась она далеко не за всё. Когда бесполезные вычисления заполняют твоё сознание, не изгоняемые ничем, кроме алкоголя, сон становится роскошью, за которую приходится бороться каждый день. И борьба эта, без понимания того, что с тобой происходит, но-

сит спорадический характер, часто оканчиваясь поражением.

А если твой ребёнок тоже рождён с похожим дефектом, и число его отчаянных криков переваливает за шестизначное значение, то поражения начинают множиться неконтролируемо. Каждый удар — это поражение ослабленной нервной системы, отчаянная попытка загнанного животного вырваться из круга боли. К тому времени, когда Коля подросток, стал тих и собран, она уже разучилась себя контролировать, прекрасно понимая, что превратилась в фурию.

Муж говорил, что он её понимает. С его уходом стало очевидно, что нет.

Потому в ту ненастную ночь она не спала сном невежды, не понимающего, какую боль он причиняет окружающим. Просто была мертвецки пьяна.

Разбудило её неприятное постукивание по груди. Она было перевернулась на бок, но руки так сильно затекли от неудобного лежания, что совершенно не слушались.

— Мама, я и не знал, что ты можешь так красиво звучать — сказал кто-то совсем рядом. Голос был явно Колин, но со странным призвуком, словно кто-то говорил с ним в унисон. Неприятное постукивание продолжилось, и ей пришлось открыть глаза.

Сын стоял рядом с постелью и, задрав её ночную рубашку, стучал чем-то тяжелым по грудной клетке, ничуть не смущаясь вида оголённых грудей.

— Звук пока не достаточно чистый — сказал Коля, посмотрев матери прямо в глаза. Разглядеть его в темноте было почти невозможно — только левая половина лица и плечо были освещены далёким уличным фонарём. Её же бледная худая грудь была предательски отчётлива, словно пятно луны на поверхности чёрного озера.

— Сына, что ты делаешь? — пьяно проямлила она, ворочаясь в попытке подняться. От движения к рукам стала поступать кровь, кончики пальцев закололо, предвещая страшную судорожную боль.

— Я играю на ксилофоне, разве ты не слышишь? Я нашёл, куда ты его спрятала.

— Коля перестань. Прекрати баловаться — в её голосе прорезались привычные визгливые нотки. Даже в пьяном состоянии она могла сказать, что число ударов уже перевалило за двести, и это знание выводило её из себя.

И Коля перестал. Он полностью повернулся к ней, и его лицо скрылось в тени. Осталось видно лишь плечо с лежащей на нём ладонью. Нет, не «ладонью». Обглоданной кистью, некоторые фаланги которой были раздроблены и перекушены. Кости смертельной хваткой сжимали плечо ребенка, уцелевшие кончики пальцев глубоко врезались в плоть, острые обломки вспороли одежду. По кисти пробежали судороги, словно ложные сигналы по синапсам, пальцы копошились угловатыми, сегментированными червями. Судороги передавались в лучевую кость, которая терялась где-то в

темноте комнаты, погружённой в непроглядный мрак. Затем мрак переступил с ноги на ногу, частично обнажая бурлящую массу разноцветных глаз, обсидиановых конечностей и зубастых улыбок, а затем полностью заслонил окно.

Мать сделала один глубокий, шумный вдох, какой делает пещера, прежде чем исторгнуть из себя сонм визжащих летучих мышей. Коля посмотрел на свою правую кисть, которая совсем перестала болеть. Ему больше не нужен свет, чтобы видеть правду. В ладони зажата не ксилофонная палочка, а острый осколок рёберной кости, и мальчик чувствует, что разжать пальцы сейчас — выше его сил. Поэтому он втыкает острый конец в шею приготовившейся закричать матери. Он бьёт туда, куда показал дед Макар, не попадает и бьёт снова и снова, стараясь закончить поскорее. Он не наслаждается процессом, не наносит лишних увечий, потому что это было бы слишком жестоко. А Коля не любит жестокости.

Мама хрипит, из её горла частыми толчками бьёт алая кровь. Полумрак комнаты покрывается чернильными пятнами, которые наутро буду выглядеть как черно-бурые сгустки. Коля терпеливо ждёт, когда кончится агония. Как и любому ребёнку, ему жаль, что до такого дошло. Однако память штука упрямая, она редко забывает обиды. В его случае всё гораздо, гораздо хуже.

Не забывать — значит никогда не прощать.

Спустя годы былой бардак начинает принимать отдалённую форму порядка. Люди приспособливаются, работают,

занимают образовавшиеся ниши, которые раньше называли бы гнилыми дырами. Накал страстей, изливающийся из телевизора, стихает. Кто-то кается, называя себя и других себе подобных проститутками. Поколение, успевшее вырасти на их риторике, возмущается и обвиняет в маразме.

Для молодого светловолосого парня в старой, но опрятной одежде, всё это — пустой, немелодичный шум. Он выходит из дома с большим рюкзаком и теряется в толпе. По вторникам и четвергам его можно увидеть на центральной площади, по средам и пятницам — на железнодорожном вокзале. Каждое воскресенье его встречают у какого-нибудь кладбища, в оставшиеся дни он путешествует по переходам метро. Каждый раз, выбрав удобное, хорошо освещённое место, он расчехляет свои необычные инструменты: маленький, обтянутый кожей бубен с костяными погремушками, несколько резных свистулек, пару ложек необычной формы. Всё ярко раскрашено, выполнено со знанием дела и приковывает взгляд своей необычностью.

Последними он достаёт большой ксилофон, выполненный в форме ребер грудной клетки и маленькую деревянную палочку с шариком на конце. Когда молодой человек начинает играть, многие невольно останавливаются и прислушиваются. Музыка поражает чистотой звучания, естественностью, с которой она вписывается в происходящее вокруг, словно она всегда звучала у людей в головах. Вскоре люди перестают обращать внимание и идут по своим делам. Находясь на

самом виду, парень выпадает из поля зрения, ускользая от внимания, исчезая из памяти. Словно пятно на глазу, обещающее однажды стать катарактой. Только не способные забывать изредка обращают внимание на его присутствие, но никому не говорят об этом.

Времена меняются, всё приходит в норму. Уровень безработицы падает, число машин на улицах растёт. Число преступлений и суицидов тоже растёт. Специалисты говорят, что это связано с развитием средств массовой информации, с пришедшей в правоохранительные органы гласностью. Скорее всего, они правы. Возьми два произвольных показателя за определённый срок и чудесным образом увидишь очевидную связь.

Так число суицидов вполне может быть связано со снижением количества праворучных машин или степенью хлорирования питьевой воды. А может, их всегда больше в центре по вторникам и четвергам; по средам и пятницам от них страдает привокзальный район, а под рельсы поезда метро чаще всего падают в понедельник. Это всё ложная связь, факты, не стоящие того, чтобы ими засоряли память.

Заставлять людей помнить правду — жестоко. А Коля не любит жестокости. Ему достаточно, чтобы люди просто знали. Ведь знать и помнить — не одно и то же. А когда в мир придёт его иссиня-чёрный кит — он им напомним. Пока же Коля и его необычный ксилофон делают своё дело. Ведь, если ты что-то забыл, значит этого никогда не было... Так?

Лидия Кулиш

Преисподняя

Мрак липкий, словно паутина,
Обвил его гнилую душу.
Засыпала земля могилы
Его сухую плоть.
А что случилось, что с ним было,
Где был его сосуд осушен...
Не помнил строгий предводила,
За что карал Господь.

Зло криков в пустоши нечистой,
Сюжет забытый и далёкий,
Смешение скрипящих мыслей —
Терзание души.
Куда явился этот призрак,
По отвратительной дороге,
И что в покорном искупленье
Способен он решить?

Как пень стоящий среди леса,

Бесчувственный и зачерствелый,
Как гений тухлого прогресса,
Лишился он всего.
Под властью дьявольского беса
Душою тело обеднело.
По лабиринтам боли вечной
Его теперь несло.

И нет конца его скитаньям,
Лишь отголоски покаянья,
В глухом и мерзком пребыванье
Забут он даже тьмой.
Он — тень теней и отражений,
Утраченных былых стремлений,
В кошмаре вечных заточений
Живой и неживой.

Слом реальности

Сталь. Кровь. Тусклый свет.
Искажается мысль в абсурд.
Букв старинных кривой силуэт —
Торс машинный в листок изрыгнул.

Заклинание — артефакт —
Воскрешенье апостола зла.
Город спал, схоронив во снах
Ад, что в нём сотворила война.

«Пуск!» — реальности сломлена грань.
Город-призрак зажжёт огни.
Разлетается пеплом вуаль.
Если жив, то беги, беги...

Раскол миров

Расколот камень, тьма клубится густо,
Портал зияет в сердце гор глухих.
В плаще из ночи, чёрном и беззвёздном,
Явилась сущность средь руин седых.

Костлявых рук белеющие пальцы
Касаются порталного окна,
Где холод мира призрачных скитальцев
Ворвётся в мир земного естества.

Глазницы скрыты в сумраке бездонном,
Лишь шёпот смерти слышен в тишине.
И очень скоро вихрь диких стонов
Разрушит всё живое на земле.

Новый жилец

Рассвета ждём. Решится всё под утро:
Появится ли новенький жилец?
Жизнь в изолированном контуре сосуда —
Под крышей дома люди и мертвец.

Что, дом в синдроме дикого покоя?
Парализует разум антифриз.
Невысказанность слов — цена устоев,
И непонятны чувства мёртвых лиц.

Опять вопят гнилые половицы,
Дом оживёт или наоборот?
Дверь ноет. Что, не смазаны петлицы?
Паук чердачный медленно ползёт.

Родное сердце не приемлет случая.
Логичность порвана и мозг кричит: «беда!»
Новый жилец — костлявый и в наручниках —
Блуждает тень костлявого жильца.

Олег Хасанов

О, Хиросима...

Крылья бабочки
встрепенулись в последний
раз. Атомный взрыв.

Ярче сотни солнц.
Люди-тени. Чёрный дождь.
О, Хиросима...

Написал хайку
перед сном, но атомный
взрыв всё сжёг в пепел.

Место без людей.
Здесь ничего не растёт.
Мёртвая пустошь.

Завтра не будет

в этом ужасном веке.
Живи сегодня.

Всё, что ты любил
когда-то в этом мире,
ветром унесёт.

Шурале

У него нет плоти. Какая может быть плоть у искривления лесного пространства? Его зловещий смех звучит как помехи в радиоэфире, прорезающие вязкую тишину чащи. У него нёт чётких контуров: лишь бесконечно длинные, суставчатые пальцы, сплетающиеся с корнями старых дубов.

От его взгляда время сворачивается в петлю. Его щекотка — это не забава, а медленное разрывание реальности. Каждый его жест оставляет на коре деревьев кровоточащие символы забытого языка. Он заманивает жертв в ловушку из шёпота и теней, превращая их сознание в рваные клочья тумана.

В лесу от него нет выхода. Только вечный, конвульсивный танец под аккомпанемент ломающихся костей и безумного хохота звёзд.

Марина Успенская

Всего хорошего, сынок!

В ушах гроыхал тяжёлый рок, бьющий децибелами по всему организму, злой и фатальный, как и лицо женщины напротив, с беззвучно шевелящимися губами. Вибрация рук и мимики женщины до крайности совпадали с ритмом ударных в наушниках. Минут пять он забавлялся этим концертом, но вдруг, рывком сдёрнув наушники, вскочил с дивана, оказавшись на одном уровне с искажённым лицом кричащей женщины — его жены.

«...Поплатишься за всё, что сделал...», — последние слова прозвучали без музыкального сопровождения и накрылись тишиной. «Ну и вали отсюда!» — проревел он звуком перегруженной бас-гитары, снова свалился на диван, нацепил наушники и с наслаждением утонул в роке, не услышав, как хлопнула с оглушительным, почти взрывным звуком, дверь.

Словно бы и ничего не произошло. Он продолжал жить в привычном ритме: работа, пиво, соцсети. И даже не задумывался: лучше стало или хуже. Ни сожалений, ни тоски, ни воспоминаний. Просто жизнь. Не поколебалась она и тогда, когда однажды вечером он, ответив на незнакомый звонок,

услышал: «Борис Андреевич? Я из Пospelовo. Соседка вашей мамы Галины Петровны. Она умерла сегодня». Он минуту молчал, обдумывая, что надо сказать в ответ, произнёс, наконец, «понял», отключил звонок и вернулся на страничку с анекдотами в Тик-токе. Сплёвывая зубную пасту перед сном, он неожиданно вспомнил про звонок и завис с открытым ртом на своём отражении в зеркале. Пришла мысль, что нужно что-то сделать, наверное, в связи с этим звонком из Пospelовo. «Ладно, завтра разберусь», — пронеслось в голове, как тихий вздох облегчения.

Среди ночи вдруг тренькнул вацап. Борис, с трудом разлепляя глаза, нащупал телефон. Сообщение от контакта «Мать»: лубочная картинка с медвежонком, качающимся на золотом месяце, и сверкающая надпись «приятных снов, сынок». «Какого х...?» — раздражение смело сон, — «Опять мать шлёт этот мусор». Но внезапно вспомнил, что его мать умерла. «А может не умерла? Пошутил кто. Но кто ж таким шутит? Или перепутали?» Он вспомнил, как лет пять назад мать к нему неожиданно приехала, жалась к стенам, извинялась всё время, что побеспокоила его, сквозь слёзы рассказывала, как скучает и ждёт его. А он оправдывался занятостью и обещаниями приехать.

Вот тогда он отдал ей свой старый телефон, показал, как писать ему через вацап. И началось. Каждое утро его приветствовали мультяшные зайчики, белочки, пёстрые букеты, красавицы в кокошниках. Первое время он отправлял ответ-

ные сердечки, но очень быстро это надоело, и он перестал даже открывать сообщения. И наконец однажды, находясь в слишком дурном расположении духа, он написал матери, чтобы она никогда больше не присылала ему эту дрянь. Да, именно так он назвал эти незатейливые признания в любви. Картинки больше не появлялись. А потом и заменившие их редкие и короткие сообщения в виде письменных пожеланий здоровья затихли. Борис пролистнул ленту: последняя запись больше трёх лет назад. И сегодня.

Чёрный ниссан летел по трассе, разбрызгивая грязные хлопья снежной каши, дёргался и метался, словно вторя беспокойству своего водителя. Казалось, они оба были на взводе. Давно Борис не испытывал такой ярости. Открытки с того света не давали покоя целую неделю. Он пытался заблокировать, удалить контакт, вырубить хотя бы звук — картинки появлялись снова и снова. И вот теперь он ехал в забытое Пospelово, чтобы разобраться в этой чертовщине. Навигатор показал поворот с трассы на грунтовую дорогу, и машина, грузно переваливаясь, зачавкала колёсами по вязкой грязи, припорошённой ранним осенним снегом. Ещё 60 километров этой непроходимой глиняной ловушки.

— Угораздило же родиться в такой дыре, — успел прошипеть самому себе Борис, как внезапно машина наткнулась на корягу и его подбросило так, что он со всего размаху ударился лицом о руль.

Как он оказался перед домом, к которому ехал, он не помнил. Удар выбил из головы всё, кроме одного: это тот самый дом. Хотя ночь уже полностью поглотила мир, лишь синева свежего снега пробивалась сквозь густую черноту, он чувствовал, что это не сон, а реальность, которая ждала его.

Подсвечивая себе фонариком от телефона, Борис проковылял к крыльцу, отметив мимолётно, что нигде нет никаких следов, как не было и света ни в одном из окон. Неосознанно его рука потянулась к доске над дверью и нащупала ключ. В доме было совсем темно. Борис забыл, где мог находиться выключатель и продолжал светить фонариком, проходя в комнату. Внезапно луч выхватил из темноты силуэт. У Бориса от ужаса перехватило дыхание, крик застыл в горле.

— К-кто здесь? — не своим голосом, заикаясь прохрипел Борис, и страх сковал его ещё сильнее, когда фигура плавно к нему приблизилась. Это была девушка, очень милая, совсем молоденькая, на её простом лице мерцала застенчивая улыбка.

— Т-ты кто? Как здесь? — не в силах оправиться от страха, спросил Борис.

Но вместо ожидаемого ответа, который мог бы ещё больше напугать, он услышал голос. Голос был настолько чистым и нежным, что в его мелодии растворились все страхи:

— Я жила здесь с твоей мамой. Помогала. И теперь вот осталась.

— Моя мама умерла?

— Да. Мы похоронили её с соседями. Жалко, что ты не приехал.

Борис постепенно приходил в себя, но руки его тряслись.

— Холодно как здесь, не топлено. А ты в платице лёгком и босиком, — сказал он и тут же снова испугался своего наблюдения.

Девушка как бы и не заметила его слов. Она подошла к нему совсем близко и провела рукой по его лицу.

— А ты не помнишь меня, Боря? — прошептала она. Её глаза, такие огромные, влажные, впивались в него, затягивали в свою бездонную глубину. И он, лишённый воли, не сопротивлялся, растворяясь в этом взгляде и превращаясь в субстанцию, готовую принять любую форму, которую ей придадут эти всемогущие глаза.

— Я Лида, — скорее понял, чем услышал он.

Внутри что-то оборвалось. Не в силах держаться на ногах, он опустился на кровать своей матери. Железная сетка издавала жуткий протяжный стон.

— Ты призрак, Лида? Ведь ты же умерла, — его голос повторил интонации скрипящей кровати.

Лида села на мёрзлый, покрытый инеем пол, положила голову на его колени. Все её плавные движения походили на танец, а голос на песню:

— Ты убил меня, помнишь?

В ужасе Борис хотел вскочить, но не смог даже шевельнуться, только неуёмная дрожь сотрясала тело.

— Ты... ты утонула, Лида.

Его слова встретил смех — лёгкий и мелодичный, он зазвучал отовсюду, будто комната превратилась в огромную стереосистему. Этот звук проникал в него, вызывая леденящее ощущение и оживляя давно стёртые воспоминания.

Её смех и тогда был пленительным и светлым, обещанием счастья. Он влюбился. Но со временем начал осознавать, что Лида, при всей своей прелести, слишком... незамысловата для него. Ему стало чего-то не хватать, и тут, как назло, на горизонте появилась та, что пробудила в нём новый интерес. Пылкая любовь Лиды становилась всё более тягостной для него, те качества, которые раньше умиляли, стали раздражать.

В один из жарких дней они небольшой компанией отдыхали у реки. Борис был не в духе, он откровенно хамил, цепляясь к каждому слову Лиды. Девушка в конце концов не выдержала. Не сказав ни слова, направилась к реке. Борис со злостью наблюдал за ней. Она плыла уверенно, размеренно взмахивая руками, почти до середины реки. Но потом что-то изменилось. Движения стали дёргаными. Голова то надолго исчезала под водой, то снова всплывала. С воплем: «Лида тонет!» он бросился в воду.

Выловив обмякшее тело Лиды, Борис зажал его в цепких объятиях. Он с тревогой вглядывался в побелевшее лицо девушки. Но вот веки дрогнули, скользнула улыбка. И тогда, поддавшись какому-то необъяснимому, дьявольскому порыву,

ву, он снова утянул её под воду. Он держал её, чувствуя, как она замирает, пока не понял — это конец.

Он стал убийцей, а его все чествовали как несостоявшегося героя: пытался спасти, но не успел.

Нежный девичий смех тысячами колокольчиков разливался по вымершему дому. Борис сидел на просевшей кровати, монотонно раскачиваясь. На коленях у него покоилась голова девушки-призрака. Погружённый в воспоминания, он машинально гладил её призрачные волосы.

Да, он убийца. И сделал всё, чтобы стереть прошлое: уехал в город, разорвал все связи с прежней жизнью, даже с собственной матерью. С головой ушёл в работу, заводил новые романы, дважды женился, стал отцом... Его сознание словно наткнулось на что-то острое и болезненное. «Лида, у меня есть сын», — простонал он. Сын, которого он тоже забыл, который вырос без него. «Да кто же я?». «...кто же я?», «...кто же я?»... — звенело в голове, во всём доме...

Он проснулся от того, что сильно замёрз. Огляделся, не понимая, где он. Комната матери, залитая утренним светом, какой он её помнил ещё мальчишкой. Он с трудом поднялся, голова раскалывалась от боли. Придерживая её руками, подошёл к стоящему на комоде тусклому зеркалу, надеясь увидеть того мальчика, беззаботного, не обременённого тяжестью страшных грехов. Но из зеркала на него смотрело мрачное, серое лицо сорокалетнего мужчины. Разбитый нос, глубокие морщины, потухший взгляд. Мальчика там не было.

Только он сам, со всеми своими пороками. Пискнул старый материн телефон, лежащий на кружевной салфетке у зеркала. И тут же загремела роковая тема собственного телефона Бориса из кармана его куртки. Вацап пользователя «Мать» приветствовал его открыткой с пушистым котёнком и надписью «доброе утро, сынок!»

Чисто уральское убийство

На мою электронку пришло письмо, которое я открыла с заметным нервным напряжением. Но, прочитав первые строчки, свернула и погрузилась в события четырёхлетней давности, когда я подрабатывала проводником небольших компаний в прогулках по горам Северного Урала.

— Группа как группа, — подумала я, снисходительно улыбаясь. — Идём два километра до подножия, оставляем рюкзаки и налегке поднимаемся на вершину, — добавила я уже вслух командным голосом.

Вяло перебирая ногами, не оправившись ещё после долгой трясучки в машине, группа двинулась по обозначенному мною направлению. Постепенно я задала темп пободрее, и все оживились: спины выпрямились, поднялось настроение, посыпались остроты. Я с интересом наблюдала за каждым из шести человек, доверившихся мне как проводнику-инструктору по горному трекингу на эти два дня. Кое-какие представления о них у меня уже имелись — из предварительной переписки, из личных страничек в соцсетях. Но процесс постигания, что называется, вживую, глубинной характеристики отдельно взятой личности, проявление её качеств во взаимодействии с другими индивидами в необычных условиях, с природой — это, можно сказать, моё хобби. Знакомы-

ми между собой из группы были только трое: два парня возрастом чуть больше двадцати, Кирилл и Славик, и девушка, не понятно пока чья из них. В мой тур попали, похоже, случайно, в поиске чего-то остренького, рассчитывая на лёгкое приключение, которым можно будет похвастаться, выложив прикольные фотки в инстаграм.¹

Поведение этого трио напоминало игру необузданных молодых дворняжек, беззлобную, но утомляющую всех вокруг. Полной противоположностью этим юнцам выглядела Вика — эффектная ухоженная девица, с провинциальным, всё же, налётом: слишком длинные ногти, слишком зелёные, чрезмерно много дешёвых разномастных брюликов и косметики. Но вот фигура её в провокационно облегающих ярких лосинах и топике — женственная, с соблазнительными рельефами, и вместе с тем подтянутая и крепкая — вызывала восхищение и зависть. Что не сумел не заметить пятый член команды — интересный мужчина за сорок, внешними особенностями которого являлись умные синие глаза и увечная, прихрамывающая нога, при взгляде на которую мои брови поползли вверх. Павел поспешил меня успокоить:

— Не волнуйтесь, я справлюсь. Колено было травмировано, но сейчас уже нормально.

Ну, что ж, дело хозяйское. Лишь бы остальным проблем не создал. Как и ещё одна наша попутчица — Татьяна, женщина возрастная, наверное, уже на пенсии. Ничего спортив-

¹ запрещён на территории РФ

ного в ней не проглядывалось, но в неизменно напряжённом лице, в глазах читалась решимость и упрямство.

— Я дойду, — потряхивая для пущей убедительности ещё в прошлом веке вышедшими из моды кудрями, убеждала она, — я давно мечтала.

— Да не сомневаюсь, — заверила я. — У нас же не какое-то категорийное восхождение. Прогулка для удовольствия, немного утомительная, конечно.

Да, это несравнимое удовольствие, по крайней мере, для меня — горы, бесконечный простор, сладкое чувство свободы и окрылённости! Появятся ли такие же ощущения у моих сегодняшних подопечных? Посмотрим.

Конжак приблизился к нам нагромождением курума и скальных останцев. Кирилл присвистнул, а его подруга глупо спросила:

— Как мы туда будем залазить?

— Очень просто, Сонечка, — крикнул Славик и понтуясь попытался с прыжка подтянуться на валуне, но сорвался, изрядно исцарапавшись.

Вика нахмурилась:

— Ты дурачок совсем? Духи гор наказывают за такие юродства.

Слава обозлился:

— Какие, нафиг, духи?! А за дурака...

Я прервала перепалку и тоном строгой воспитательницы разъяснила, как следует себя вести при восхождении. Но от-

ношения между Викой и Славой, похоже, подпортились.

Перекусив по-быстрому, мы свалили в кучу рюкзаки и палатки, оставив при себе только лёгкие курточки и воду, и начали восхождение. Обычно подъём до вершины и спуск занимали у подобных неподготовленных групп часа два с половиной. Но, обратив внимание, с каким трудом даётся передвижение по куруму Соне, Кириллу и Татьяне, я решила, что этого времени будет явно недостаточно. Ну, ничего — лето, световой день длинный — управимся. Вика поднималась с ровным дыханием — виден был результат тренировок в спортзале, но всё равно мышцы довольно скоро стало сводить: в горах совсем иная нагрузка. Вообще Вика мне показалась конфликтным персонажем, совершенно не гармонирующим с суровым и величественным горным пейзажем. Они как бы соперничали, находясь в одном фокусе, и Вика проигрывала, оставаясь при этом тоже прекрасной. Павел, с самого начала сражённый прелестями девушки, следовал за ней как за красной тряпкой, пытался рассказами о чём-то привлечь её внимание. Но Вика по большей части молчала. Один раз я издалека увидела, как они бурно спорили, динамично размахивая руками. Показалось даже, что они знакомы не первый день.

Татьяна, обливаясь потом, шла последней. Я тут только заметила, что она не оставила рюкзак и тащит его полностью укомплектованным, как был. Пришлось чуть ли не силой, отбиваясь от конфузливости Татьяны, перевесить его на се-

бя. Благодаря скинутой ноше женщина пошла легче. Хуже всех себя чувствовала Соня, самыми тяжёлыми нагрузками для которой до этого, очевидно, были вставания с кровати. Цепляясь за каждый камень руками, с трудом таща свои избитые ноги, она извергала ругательства и умоляла, чтобы её здесь же и оставили. Из-за Сони приходилось каждые полчаса делать привал. Но полежав на прохладном камне, глотнув воды, девушка, как присуще это детям, быстро восстанавливалась и шла дальше.

В общем-то, всё как и во всех водимых мною группах.

На вершине восторг и гордость за самих себя обуяли все-ми. Громкое наше хоровое «ура-ааа!» прокатилось до бесконечного горизонта и зависло сизым облаком, угрожающим пролиться дождём. Но пошёл снег — нормальное явление в горах в конце июня — густой и обильный, колючей мокрой крупой.

Наскоро утепившись, мы начали спускаться медленно и осторожно, сосредоточенно мониторя каждый шаг, каждое движение, по скользким камням, мгновенно ставшими для нас коварной ловушкой. Соню я вела за руку, благодаря чему неловкая девушка ни разу не упала. Зато её друзья спотыкались и скользили при каждом шаге, безобразно матерясь при этом. И никакие негодования Вики в их сторону не смогли возыметь успеха. Парни в ответ ругались ещё разувесистей. Добравшись до плато, мы оставили неблагосклонную к нам тучу за спиной. Снова нас обласкало солнышко, настроение

поднялось на запредельную высоту. Заискрились шутки, Соня даже запела. Мы нашли живописную полянку в россыпи горных дикоросов среди камней и расположились на отдых. Блаженно вытянув босые ноги, головой на своём объёмном рюкзаке примостилась на солнышке Татьяна. Поодаль на камне в позе лотоса медитировала Вика. Павел, присев лишь на минуту, ушёл бродить, зависая взглядом на чарующих видах. Соня с ребятами тоже разбрелись, делая снимки на телефон. Я решила, что и мне пора расслабиться после того, как сильно перенервничала, переживая за группу, и сладко уплыла в мир грёз.

Моё острое чувство ответственности позволило мне погрузиться в покой ровно на полчаса. Пора было собирать группу и отправляться в путь до поляны художников, чтобы до темноты успеть разбить там лагерь для ночёвки. Народ не пришлось долго уговаривать: все хорошо отдохнули и были полны сил идти дальше.

— Кирюши нет, — заметила Соня.

Мы стали звать Кирилла, сначала вразнобой, потом хором. Потом разбежались в поисках вокруг поляны. Никто не помнил, в какую сторону Кирилл мог уйти. Все продолжали кричать. Наконец я, обеспокоенная тем, что история затягивается, приказала группе потихоньку спускаться по разметке к рюкзакам:

— Идите строго по жёлтым флажкам. Пока взглядом не отыщете следующий флажок, не дёргайтесь ни на шаг. А я

найду этого прохвоста, и мы вас догоним. Держитесь все вместе.

Я ещё раз оббежала вокруг поляны, не переставая выкрикивать имя нашего потеряшки, потом увеличила радиус, добросовестно заглядывая под все валуны, потом ещё дальше. В полумраке ниши стоящих стеной нескольких останцев мой взгляд зацепил нечто чуждое, как мне показалось, мирному пейзажу. Тревога сжала сердце, заставив его бешено колотиться. Преодолевая себя, я приблизилась к нише. И увидела его — неподвижное тело, раскинувшееся на камнях. Не было сомненья: это был Кирилл и он был мёртв.

Он лежал на спине, неестественно запрокинув голову, обильно залитую кровью, рядом валялся камень, тоже в крови. Ужас парализовал меня, заставив до подробностей рассматривать эту жуткую картину: застывшие глаза, отражающие безмятежную синеву неба, слипшиеся от крови волосы, слабо подрагивающие от ветра, полуоткрытый рот. Превозмогая отвращение, я нагнулась к самому лицу мертвеца: изо рта что-то торчало. Достать это что-то у меня не хватило мужества, но и так было понятно — это скомканная купюра, долларовая.

Всё путалось в голове: как? за что? Безусловно ясно, что это никакой не несчастный случай. Убийство. Но кто? Кто-то из наших? Если б это был кто-то посторонний, мы бы его заметили, нельзя не заметить. Значит, кто-то из нас. Энигматичная Вика? У неё с самого начала не заладились отно-

шения с ребятами, перепалывались всю дорогу. Вика грозила, что духи гор накажут за неуважение к ним. Да бред какой! Разве можно за это убить, да ещё и так жестоко?! И доллары тут при чём? Павел? Тоже теперь кажется мне странным — то хромает, то бежит легче лани. И его синие глаза... красивые, конечно, но определённо что-то скрывающие, какая-то тайна в них есть. Может, он псих, и таким вот крутым способом отомстил за хамство по отношению к Вике? Тоже нелепо. Вообще все участники похода представлялись мне милыми заурядными людьми, не способные во всяком случае на совершение таких ужасов, как убийство. Сложно представить, например, добродушную Татьяну, опускающую увесистый камень на голову какого-то пацана, которого она и видит то впервые. Или subtilную Сонечку, которая едва ли сможет поднять этот камень выше своей головы. Хотя... женщины во гневе непредсказуемы — кто знает, какая там может быть предистория. А вот Славик вполне может оказаться реальным злодеем — не поделили Соню или ещё что. Стоит, во всяком случае, к нему приглядеться. И вообще может статься, что каждый из них — не тот человек, каким представляется.

Все эти предположения сыпались в мою воспалённую голову, когда я стремительно бежала вниз за группой, время от времени замирая и оглядываясь, ощущая рядом чьё-то враждебное присутствие. И буквально врезалась на ходу в сидящих прямо на тропе Славу и Соню.

— Где остальные? — срывающимся фальцетом завопила я. Ребята вздрогнули от неожиданности.

— Да не волнуйся. Они внизу, недалеко, — попытался успокоить меня Слава. — Сонька ногу разодрала, надо забинтовать.

Соня снизу вверх смотрела на меня расширенными глазами и ждала ответа на другой вопрос. По дороге я так и не решила, сказать ли правду о смерти Кирилла или пока промолчать. Но глядя на скорбное в слезах личико Сони, выпалила всё как есть, заменив всё же «убийство» на «несчастный случай». Пока Соня заходила громким плачем, я наблюдала за реакцией Славы, но так и не смогла разобраться в его эмоциях. Перевязав наспех саднящую рану на ноге Сони, мы с черепашьею скоростью продолжили спуск. Сердце моё бешено колотилось от пережитого, но ещё и от недоброго предчувствия. Так и есть. У рюкзаков маячили только две фигуры — Павел и Вика.

— Где Татьяна? — набросилась я на них.

— Что мы, няньки что ли вашей Татьяне? — огрызнулась Вика. — Отстала от нас. Потом пропала. Мы кричали.

— Где отстала? Давно? — я перешла на ор.

— Минут тридцать назад заметили. И ещё я слышал какой-то вскрик. Но может, показалось, — сказал Павел.

Меня трясло. Всплыла картинка лежащего в крови Кирилла. Неужели и с Татьяной произошло то же самое?! Что делать? Бросаться на поиски Татьяны? Не реально. Заблуд-

диться она точно не могла: на этом участке маркировка настолько частая, что слепой не потеряется. Я была уверена в худшем.

Надо было идти на ночёвку.

— Может, здесь поставим палатки? — предложил Павел.

— Татьяну подождём.

Я была категорична:

— Здесь нет дров. Ночью будет холодно. Да и поесть людям надо горячего. Стоянку разобьём в лесу. Идти всего три километра.

Километр по почти горизонтальному топкому плато мы прошли без приключений, только очень медленно из-за травмы Сони. Вика злилась и настырно убегала далеко вперёд, и наконец, войдя в лес, мы её потеряли из виду. Павел бросился догонять, позабыв, кстати, про свою хромую ногу. Настигли мы его уже на поляне художников. Одного. Он казался очень взбудораженным, заикался от волнения:

— Не могла же она проскочить поляну? И с тропы некуда свернуть — бурелом непролазный.

— Есть куда, — мой голос отдавался эхом, как молот, бьющий по наковальне. — Выше есть две своротки на Трапещию.

Мои нервы уже не выдерживали. Я готова была схватить Павла за грудки и трясти его до тех пор, пока не сознается, что он сделал с Викторией.

— У меня есть ракета — фейерверк такой праздничный. Сейчас запущу, Вика должна увидеть. У меня вообще-то

день варенья сегодня. Вот взял для настроения.

В сумеречном небе под залиvistый свист и оглушительные хлопки расцветали и рассыпались яркие звёзды праздничного салюта, но никто из нас четверых не выразил восторга. Соня опять заплакала. А Слава зло осклабился:

— Сейчас прибежит эта сучка. Если духи отпустят.

— Павел, доставай котелки и бутылки, иди за водой — ручей внизу. Слава, на тебе дрова. Близо уже нет. Перейдешь через ручей, там найдешь. Топор в моём рюкзаке. Соня, ты достаёшь и сортируешь продукты. И всё делаем быстро, скоро совсем стемнеет. Достаньте фонарики, — раздала я всем задания, и, когда все кроме Сони разбежались, я тоже углубилась в лес собрать хворост и кору для растопки.

С остервенением ломая сухие ветки, я мучительно заставляла себя ни о чём не думать, чтобы моя голова — уже на грани того, чтобы взорваться — хоть немного сбросила напряжение. Вдруг со стороны ручья, откуда только что был слышен мерный звук топора, раздался душераздирающий вопль. Я рванула по направлению звука, уже заранее холодея от предощущения нового ужаса.

Картина на самом деле была страшней того, что я могла себе вообразить. Я увидела Вику — живую и здоровую Вику. Она уже не кричала, но крупной дрожью тряслась всей своей прекрасной плотью, вперив взгляд на лежащего у её ног в скрюченной позе Славика. Славика с воткнутом в спину топором.

Тут же стоял Павел, привалившись к дереву.

— Паша, ты зачем обнимаешь дерево? — глупо спросила я, еле ворочая языком, как пациент с дизартрией.

— Просто, обнимаю, — так же глупо и коряво ответил он.

— Вика, это ты его..? — я театрально потыкала пальцем в сторону безжизненного тела.

Девушка наконец оторвала безумный взгляд от убитого и остановила его на мне.

— Я?! ... — и замотала головой так отчаянно, что не удержалась на ногах и свалилась прямо на тело.

Истерично визжа, Вика лихорадочно извивалась под тяжестью своего рюкзака, пытаюсь подняться, пока мы с Павлом не пришли к ней на помощь. Но в безумстве она и от нас принялась отбиваться, пока Павел не вlepил ей увесистую пощёчину. Тогда девушка сникла, обмякла и, повиснув на Павле, покорно поплелась с ним на поляну. Странно, но и я неожиданно обрела хладнокровие, словно тоже получила затрещину, и, пока Павел уводил Вику, с фантастическим спокойствием заглянула в лицо покойнику. Так и есть: во рту виднелась смятая купюра.

С той же ледяной невозмутимостью я выдержала стенания Сони и рассказ Вики о том, как она сбилась с тропы и в панике стала метаться по чащёбе, пока не увидела наш салют. Шла по ручью, потом услышала звук топора и очень обрадовалась. Но пока пробиралась, стук прекратился и она увидела его. В этом месте рассказа Вика снова зарыдала, Соня то-

же. Павел достал из своего рюкзака миниатюрную фляжку с водкой, дал глотнуть девчонкам. Мы поставили одну из палаток, засунули туда чуть захмелевших плакальщиц и вскоре слышали их уже спокойное сопенье.

Стало совсем темно. Горы, окружавшие поляну растворились в вязкой черноте. Пропало всё, кроме сдержанных звуков: заунывного шелеста ветра в кронах, вкрадчивой мелодии горной речки, печальной песни ночной птицы.

— Павел, а где вода? Ты не принёс воду? — нарушила я убаюкивающую симфонию ночных звуков.

— Нет, не принёс.

— А что ты так долго делал на речке?

Я не видела его лица, но почувствовала, что он смутился.

— Ничего, просто сидел. Думал. Я принесу.

Он засуетился, загремел посудой, свет его фонарика заплясал к ручью. Я сгребла брошенные ветки, развела костёр. Вскипятили терпкий чай. Внешне картина выглядела идиллической: бархатная ночь, танцующие язычки костра, мерцающие звёзды, красивый мужчина напротив. Но в голове моей раздавался настойчивый шёпот: «Бойся его! Рядом с тобой убийца», и я первой сделала ход:

— Павел, это ты убил всех троих?

— Нет, — послышался спокойный ответ. — Я думал, это ты. Экскурсовод с психическим отклонением. Завлекаешь людей в горы и убиваешь по одному.

— Смешно. Только у тебя и Вики были возможности во

всех трёх случаях убить.

— У тебя тоже. А Вика точно не могла. Там, на поляне, я, как дурак, глаз с неё не сводил. И спускались мы вместе, когда Татьяна пропала.

— Так может у вас заговор? На пару злодеями подрабатываете?

— Ну уж нет. Не стал бы я с Викой никаких дел иметь. Внешне конфетка, а поговорить не о чем. Ты мне больше понравилась, — то ли в шутку, то ли всерьёз сказал Павел. — Жаль, что маньячкой оказалась.

Он сел рядом со мной, укрыл плечи курткой, склонил мою уставшую голову на своё плечо. Мне не хотелось сопротивляться, было тепло и спокойно.

— С днём рождения, — пролепетала я, ускользая в сладостный сон.

«Не знаю, зачем я пишу это письмо. Наверное, потому, что уже нет сил нести эту ношу одной столько времени. Хочется разделить её с кем-то. И я выбрала вас. Вы были свидетелем всех событий, и, наверное, хотели бы знать всю правду, ведь расследование зашло в тупик, убийца до сих пор не выявлен. Всё свалили на некоего постороннего безумца, промышляющего преступлениями в горах, тем более что где-то там же был уже случай с убийством девушки неизвестным. Но Кирилла и Славу убил не какой-то маньяк. Их убила я. Именно с этой целью я пошла в поход и, извините, что по-

пала на ваш тур, навязала вам и остальным все эти ужасы. Преследуя свою цель, я не очень-то старалась быть не пойманной, действовала на эмоциях. Для меня оставалось важным одно — сделать это, и не пугало вероятное наказание, в виде тюрьмы, например. Когда меня, якобы заблудившуюся, нашли спасатели, я думала, что догадаются обо всём. Но меня только жалели. И с долларами этими, я, конечно, сильно рисковала. Но так хотелось — для себя! — создать эмфатическую сцену мщения. Глупо, конечно. Этими долларами расплатились два пьяных подонка, надругавшись над моей дочерью. Над моей Анечкой. Не буду рассказывать, как это произошло, как мы всё это пережили. Но однажды я застала Анечку с петлёй на шее. Как я успела?! Вот тогда я поклялась себе, что отомщу подонкам, чего бы мне это ни стоило. Сейчас у нас с Аней всё хорошо. Мы уехали далеко, в другую страну. Я почему-то уверена, что прочитав это письмо вы не побежите с ним в полицию. Ну, а если и побежите, бог с вами. Главное я сделала — открыла душу, стало легче.»

Дочитав письмо, я тут же отправила ответ.

«Дорогая Татьяна. Благодарю вас за доверие. Можете не тревожиться — ваши откровения останутся только со мной. То, что это сделали вы, не стало для меня неожиданностью. Я знала об этом ещё с той ночи. Мы с Павлом копались в каждой детали событий, разгадывая, кто убил. И сначала мето-

дом исключения, а потом путём сбора фактов и улик пришли к единственно вероятному виновнику — к вам. Вы правы, что не очень-то старались быть заподозренной. Ваш рюкзак, с которым вы боялись расстаться, потому что там были вещи и продукты, необходимые вам для ночёвки в одиночестве. Ваши взгляды на парней, полные ненависти, едва скрываемые. Это не казалось заметным, когда не нужно было замечать, но явным, когда с обострением вспоминаешь каждую деталь. Когда вы пытались скрыться, Павел заметил, что вы намеренно отставали и нервничали, когда он оборачивался. И самое главное: у трупа Славы я нашла ваши перчатки. Я точно узнала, что они ваши. Понятно, что вы не профессиональный убийца, и на пике эмоций могли быть неосмотрительными. Я подобрала ваши перчатки и потом никому не рассказала о них. Почему? Тогда ещё не понимала. Ощущала только. И думала, что, должно быть, очень веская причина у вас, чтобы сделать такое. И вот теперь я знаю эту причину. И рада, что всё сохранила в тайне. Наверное, меня тоже можно назвать убийцей. В мыслях я тысячу раз казнила того, кто сделал со мной тоже самое, что и с вашей Аней.»

Андрей Лоскутов

Конкурент

Грёбанные нейросети и сраные роботы скоро окончательно отберут у людей достойные профессии. Писатели, художники, редакторы и даже курьеры не смогут себе заработать хотя бы на кусок хлеба, не говоря уже о достойном существовании.

Одним из таких был Вася Пименов — курьер с трёхлетним стажем. Его старенький, выдавший виды мопед то и дело мчался вдоль грязных, заснеженных улиц Петербурга с очередным заказом к вечно недовольным, зажавшимся клиентам. Он знал всех курьеров района, и его на районе все знали. И ничего не предвещало беды, пока на одной из узких улочек не повстречался ему «конкурент».

Маленький четырёхколёсный говнюк выглядел мирным с виду. Он радовал людей, оставляя у подъездов пакеты с едой. Неспешно катался между домами, соблюдая правила и изредка подмигивая фарами прохожим (чего хмурый Вася никогда сам не делал).

И вскоре недотёпа-курьер стал замечать, что из-за этого мелкого жестяного ублюдка заказов у него становится всё меньше и меньше. С этим надо было что-то делать, и, под-

караулив безобидную железяку в одной из подворотен, Вася достал большой разводной ключ. Робот пытался сбежать в переулок, но курьер догнал его и бил по жестянке, пока не устал.

Удостоверившись, что мелкий говнюк заглох и уже не поднимется, Вася поспешил смыться. Однако неделю спустя парню встретились на районе ещё как минимум три подобных козявки. И один из них, слегка покорёженный и побитый, был уж очень хорошо ему знаком. Остановившись посреди пустой улицы в новогоднюю ночь, робот хмуро покоился на своего обидчика.

— Тебе чего, уродец?! — закричал, останавливая мопед, Василий, — ещё захотелось?!

Жестянка не ответила, лишь продолжала злобно тарашиться на парня одной-единственной целой фарой.

— Ну погоди у меня! — завопил курьер, спрыгивая со своего железного коня и выхватывая из-за пояса, словно меч, разводной ключ.

Испугавшись очередной неминуемой расправы, робот, круто повернувшись, заскользил своими крохотными колёсиками по снегу. Яростный мститель Вася, без единой задней мысли, кинулся было за ним, да только поздно осознал, что жестяной карапуз был не один.

Глупого курьера ловко заманили на свою территорию умные, маленькие игрушки. Это только со стороны казалось, будто они безобидные. В конечном итоге вышло, что желез-

ки тоже умеют мстить и легко смогут за себя постоять.

Скинув мокрые перчатки и держа увесистый ключ в слегка вспотевших ладонях, Вася принялся отбиваться. Но жестянкам всё было нипочём. Паренёк бил их нещадно, с металла градом сыпались искры, пластик трещал и ломался. Но роботы-курьеры всё равно неспешно подступали к нему со всех сторон, их становилось всё больше. И никого, кроме них, не было на улице в ту новогоднюю ночь.

Они окружили Васю, едва он оказался в тесном проулке. Одна из консервных банок умудрилась сбить парня с ног, другая проехала по руке, ломая пальцы. Третья, разогнавшись, ударила в пах; из стальной морды показались игольчатые зубы.

Их железные пасти разверзлись, обнажая несколько рядов крошечных металлических клыков. Очевидно, что после непредвиденного нападения их хозяин решил сделать очередной апгрейд. Внутри одной из консервных банок открылось отверстие с ручной пилой — такой же крошечной и такой же острой, как и их многочисленные мелкие зубки.

— Ах вы, маленькие ублюдки! Имел я вас! — Вася попытался было встать, чтобы добить своего конкурента. Хотел избавить мир хотя бы от одного скользкого, крошечного мерзавца. Но не успел.

Две крохотные, дикого вида игрушки уже успели подбраться к его ногам. Своими мелкими зубками они прогрызли джинсы и кинулись перемалывать мясо на икрах и кро-

шить кости в тот момент, когда два других засранца с электрическими, острыми как бритва пилами врезались в руки парня.

Никогда ещё Васька не испытывал такой боли. Куски человеческого мяса отрывались от его тела и разбрасывались посреди улицы. Роботы не ели, а просто кусали и выплёвывали окровавленные, ещё тёплые куски на асфальт. Его ступни грызли вместе с ботинками, кровища в водостоки хлестала фонтаном на радость обитавшим там крысам.

Поначалу он пытался кричать, но из-за грохота фейерверков его никто не слышал. Последнее, что видел парнишка, — мерцающие огни на раскатистом небе, слышал крики людей, стук курантов, скрежет бензопилы по костям и шуршащий, зловредный смех маленького хихикающего движка. Как сердцебиение крошечного, металлического сердечка.

Окровавленный снег под новогодней ёлкой под утро замёрзнет, превратив добрую половину двора в кровавый кабак. Всё, что останется от Василия, через пару дней найдут в переулке дворники. Столько грязи в своём идеальном дворе они не видели очень давно. Рядом с ним, весь в крови и грязи, будет лежать разводной ключ. Мопед, готовые заказы и деньги на сдачу найдут за углом нетронутыми, и, переварив оливье, доблестная полиция кинется искать по городу очередного маньяка.

Болты, шестерёнки и колёсики. Чудо китайской техники из металла и пластика в очередной раз оказалось умней и в

стократ сильнее злобного человеческого выродка с железкой в руках. Вася никогда не был им конкурентом. Его время прошло.

Дворецкий

Я работал в кафе официантом, когда впервые встретил Кристину Богатееву. Эта роковая красотка впорхнула, словно бабочка, с морозной улицы в тепло нашего уютного заведения. Она сидела за стойкой, неспешно потягивая приготовленный мной капучино. Её хищный взгляд с любопытством разглядывал собравшихся вокруг гостей и пару-тройку раз останавливался на мне, как будто оценивая.

Я в ответ кивнул, она подмигнула. И после пары неловких фраз у нас завязалось какое-то подобие беседы. Я по натуре всегда был робким и скромным, но с ней мне было легко и как-то уютно. А под конец того рокового для меня вечера она очень ловко оставила шарфик на спинке своего стула. Мой друг, Артемий Саврасов, пытался отговаривать меня ехать к ней. Говорил, что она хищница, собственница, слопаёт меня, не поперхнувшись. А вместо мозгов у неё аккуратно сложенный в череп пучок навоза, а вместо сердца в груди копошится клубок диких и ненасытных змей.

Я не поверил ему тогда. Шарфик насквозь пропах её духами. Меня манил, меня влёл этот сладкий, сладостный запах. Как будто это вовсе были не духи, а некое волшебное зелье. Магнит для влюблённых дурачков. И я пропал безвозвратно. В тот же день, едва дождавшись окончания смены, забыв обо всём, я стремглав кинулся по рыхлому, мокрому снегу

вдоль длинной улицы, в конце которой возвышалась старая, видавшая виды хибара, доставшаяся Кристине в наследство несколько лет назад.

На пороге высокого особняка на окраине города меня встретил скукоженный, сгорбленный, жуткий старик-при- вратник. Увидев меня с этим дурацким шарфом в руках, дворецкий попытался заговорить. Но вместо слов из его грязного, беззубого рта то и дело вырывались бессвязные звуки и вздохи несвежего дыхания. Он какое-то время махал руками, очевидно пытаясь прогнать меня. Но уже было поздно, ведь за его горбатой спиной, легко опираясь на поручень лестницы, стояла она.

Её хищные чёрные глазки встретились с моими, и дальше всё завертелось, словно в тумане. Мгновенно очарованный, я видел перед собой лишь красоту, радость и вдохновение. Слуга, отчаянно сопротивляясь, посторонился, пропуская меня внутрь, и когда тяжёлая дубовая дверь особняка за моей спиной, негромко скрипнув, закрылась, я оказался в западне. Словно маленькая мушка, попавшая в сети большого, матёрого паука.

Угодив в капкан, у которого не было выхода, я первое время чувствовал себя будто в раю. Всё было так ярко, так красочно и безмятежно, что от восторга замирало сердце и сби- валось дыхание. Но это была не любовь. Уж точно не для неё.

В первый же день она заставила меня забыть обо всех — о друзьях, родных и знакомых. Из-за неё я благополучно бро-

сил учёбу. Перестал отвечать на звонки. Все мои мысли и чувства теперь были прикованы только к ней. И я делал всё, что требовала моя прелестная спутница.

Оставшись без связи с внешним миром, я в какой-то момент покорно отдал ей свой телефон, и привратник на моих глазах раскрошил его в пыль молотком. Его печальный взгляд и тогда не насторожил меня.

— О, не печалься, любимый, они тоже тебя скоро забудут!
— весело кричала она, подливая мне вина.

Но я и без него итак уже был донельзя пьян. Останавливаться не было ни сил, ни желания. Мысли покинули меня, оставили на произвол судьбы, освободив пустую черепную коробку. Но это было только начало.

В первую же ночь в её особняке мы занимались любовью. Но как-то странно, не так, как это делают истинные влюблённые. Она не позволяла мне дотрагиваться до себя. Я лежал неподвижно на шёлковых простынях и как бы ни старался не мог даже пошевелиться. Мои руки и ноги будто сковали невидимые кандалы. Я хотел обнять её, поцеловать, но не мог даже сдвинуться. Дьяволица всё сделала сама и, буквально насытившись мной, собрала семя в стеклянную колбу.

Но и это не насторожило меня. Я был как в дурмане. Очарован, околдован, влюблён без остатка. Мои чувства, мои мысли и мои желания были уже не важны. Единственной заботой для меня стали прихоти хозяйки особняка.

Так продолжалось несколько недель. К исходу первого ме-

сяца я узнал, откуда бралось «наследство» Кристины. Я продал свой компьютер, кое-какие вещи и старенькую «Хонду». А вырученные деньги передал своей госпоже. Абсолютно избавившись от всего, что так тяготило и утяжеляло мой быт.

Моему счастью не было предела после того, как мне открылась последняя тайна особняка. Кристина, очевидно после этого щедрого жеста доверившись мне сполна, сопровождала меня в подвал, показывая портреты своих бывших дворецких. На предпоследнем месте я заметил того самого старика, совсем недавно открывшего для меня двери этого дивного места.

А на последнем, в раме кофейного цвета, красовался мой последний портрет. На картине я казался гораздо красивее, чем был при жизни. Однако я заметил, что краски ещё не до конца высохли, и время сказать «нет» и всё бросить для меня ещё не прошло. Но куда уж там. Я был влюблён, я был счастлив. И ничего вокруг не видел. Не осознавал тогда, что мной пользуются.

По ночам мы занимались этой странной любовью. После каждого акта мне становилось всё хуже. Будто из меня выжимали все имеющиеся силы. Я долго не мог прийти в себя и стал замечать, что старею. На второй месяц пребывания в особняке я лишился волос. Мои красивые, светлые локоны, которые так нравились девушкам, в единый миг стали сухими, ломкими и выпадали один за другим. Следом пришла черед зубов. Я пытался чистить их, нещадно орудовал

щёткой. Но всё было тщетно, они крошились и сыпались в раковину будто сухой попкорн.

Кристина до последнего пыталась продолжать наши ночные встречи. Но по мере того как я дряхлел, старел и разваливался прямо на глазах, её визиты в мою комнату становились всё реже.

В конечном итоге я сломал спину, заработал горб, у меня окончательно пропал голос и практически исчез слух. Спустя всего несколько месяцев я превратился в жалкое подобие старого дворецкого.

Кстати, стоит упомянуть и самого старика. В первые дни моего пребывания в особняке он всячески пытался мне на что-то намекнуть. Пытался мне помочь и, быть может, спасти. Но Кристина раз за разом грозно прогоняла его. Запускала в старика кружки, тарелки и вообще всё, что попадалось ей под руку.

Говорить он не мог, только мычал и пялился на меня исподлобья. Я знал, что он стоял за дверью всякий раз, когда мы с Кристиной занимались любовью, словно подсвечник из старой, давно забытой сказки. Когда краски на моём портрете в подвале окончательно высохли, старик нашёл большой нож на кухне и трясущимися руками сумел им вскрыть себе вены. Убирать его окровавленное горбатое тельце с кухни Кристина доверила мне. Я нашёл предсмертную записку в кармане его пиджака, но разобрать исковерканный почерк не смог. Сбросив тело в большой чан на заднем дворе, я по-

лил его бензином и чиркнул спичкой.

Спустя неделю после смерти дворецкого к нам в особняк пожаловал гость. Мой друг, мой добрый друг Артемий. С влюблёнными, безумными глазами и глупой улыбкой на своём покрасневшем лице. В трясущихся от напряжения, слегка замёрзших руках он сжимал бордовый, пахнущий духами Кристины шарфик. В этот момент я осознал, что жить мне остаётся совсем недолго.

Когда я открыл дверь, он не узнал меня. Право слово, в последнее время я бы и сам себя не узнал в таком виде. Сгорбленный, сморщенный, старый, с горбом на спине, косыми, слепыми как у крота глазами, с лысиной и морщинами в свои неполные двадцать пять. Я погиб давным-давно и знал это.

Я наблюдал, как они проходят мимо. Кристина ведёт под руку моего старого друга. Наиграно хихикает и зловредно улыбается. Но он этого не видит. Он очарован, околдован. Он пропал. Уже пропал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.